

ПРОМЫШЛЕННАЯ АРХИТЕКТУРА — ЛЮБОВЬ МОЯ...

Морозова Елена Борисовна — зав. кафедрой архитектуры производственных объектов и архитектурных конструкций БНТУ, кандидат архитектуры, высококвалифицированный и известный специалист в области промышленной архитектуры. К тому же Елена Борисовна привлекательная женщина с интересным духовным миром.

С Морозовой Е.Б. встретилась корреспондент журнала Карина Каравец.

К.: Могли бы Вы себя представить в другой профессии?

Е. Б.: Представить себя в другой профессии могла бы, но, признаться, никогда этого не делала. Я вообще-то человек долга, и потому ответственность и обязательность — это то, что мне хорошо знакомо, что является моей сильной стороной в профессиональном, ну и, наверное, в человеческом плане. Поэтому я думаю, что в любой другой области я работала бы тоже неплохо. Но жизнь сложилась, как сложилась. И промышленная архитектура стала делом моей жизни, стала профессией. А поскольку я старалась относиться к своему делу серьезно и ответственно, наступил такой момент, когда я поняла, что не просто знаю промышленную архитектуру, работаю с ней и в ней, но и люблю ее. Она для меня — это целый мир и не только мир пространственной, материальной среды, но и мир времени, разных городов и стран, мир людей, их взглядов, оценок, отношений. Я даже могу сказать, что вижу промышленную архитектуру как что-то живое, одновременно — и грозное, сильное и беззащитное, слабое.

Промышленную архитектуру непросто понимать, непросто знать и уж совсем непросто любить — это как полюбить человека не очень красиво, да еще и с трудным характером. Но ведь он такой же, как все мы, и его внутренние качества могут быть очень интересны. Как каждому, кто любит свою профессию, мне хочется, чтобы промышленная архитектура стала если не любимой, то хотя бы понятной и принимаемой. Вот так и общаюсь со студентами и они, как мне кажется, мое отношение к предмету видят, и это приносит свои плоды.

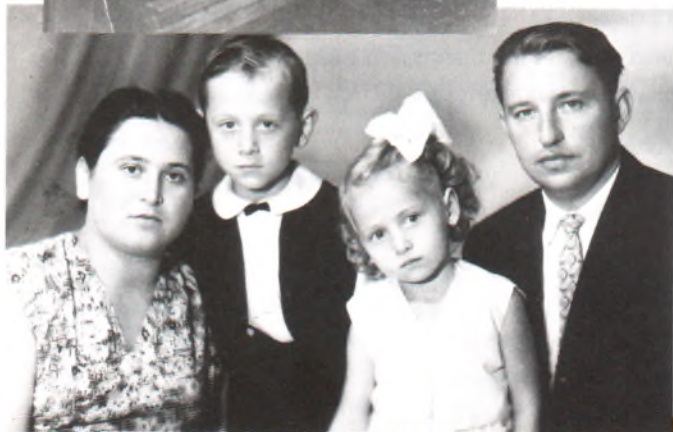
Во всяком случае, сегодня я не просто довольна своим профессиональным выбором, а даже, не боюсь этого слова, горжусь, что такая мужская область архитектуры, область мощная, агрессивная, где-то порой и жесткая приняла меня, как это говорят, за свою.

Что же касается других профессий, то если бы появилась возможность начать все сначала, я хотела бы попробовать себя в медицине. Эта профессия открылась для меня своей занимательностью. В мои уже 30 лет поздно было что-либо менять. Я считаю, что сложнее и интереснее для размышлений, чем человек, его тело и разум, ничего в мире нет.

К.: Елена Борисовна, расскажите о своей семье.

Е. Б.: Я Родилась в Беларуси в 1956 году. Родители — инженеры, учились в одной группе в БПИ на факультете гидротехнического строительства. Строили разные объекты, в том числе и на советском Севере, когда там формировались базы Северного флота. В 1963 году вернулись в Беларусь и здесь работали на строительстве разных объектов. Прожили вместе 52 года, жили в Минске.

Отец, Борис Степанович, был уроженцем восточных земель, мама, Елена Петровна — западных, поэтому в семье как бы соединялись две культуры, отмечались и те, и другие праздники (католические и православные), своими считались и поляки, и русские, а также все славяне. Таким образом, быт, представления, семейные традиции достаточно характерно отражали своеобразие самой Беларуси.

У меня есть два брата. Старший, Станислав, — профессор, работает и живет с семьей в России. Профессия связана с управлением и психологией. Младший брат, Алексей, — генеральный директор компании, которая занимается рапсом — его выращиванием и переработкой, живет с семьей в Минске. Есть в семье врачи, экономисты, биологи, физики. Так что я не потомственный архитектор, но к моей профессии все относятся с пиететом. Тем более что сегодня архитектурную профессию в нашей семье представляют еще мой муж, сын и племянница.

Воспитывалась я как в любой нормальной семье, родители культивировали образование, обычным делом считалась хорошая, во всяком случае, ответственная учеба, за это особо и не хвалили, просто так должно было быть. Поощрялись разные кружки, отец был музыкальным, хорошо пел, дал всем детям еще и музыкальное образование, хотя далеко не всем оно пригодилось, например, мне. Слуха музыкального как не было, так и нет, но сыграть как «механическое пианино» смогу. В результате папиной страсти к музыке в наших домах сегодня живет много разных музыкальных инструментов, самое старое, много раз менявшее свой адрес пианино производства 1951 года находится у меня на заслуженном покое. Занималась еще фигурным катанием, имею даже начальный, третий разряд.

Школу я окончила с золотой медалью, поступила в Белорусский политехнический институт на архитектурный факультет, который окончила с красным дипломом, и была первая по распределению. В это время открыли новую кафедру «Промышленная архитектура», куда брали одного человека из курса. Надо сказать, что всегда любили брать мальчиков: и на производство, и в проектные организации, в том числе и на кафедру брали мальчиков, он по успеваемости шел седьмым. Меня несколько задело, когда я узнала, что ему предлагают работать на кафедре: он седьмой, а я первая. Я пришла к заведующему кафедрой, профессору Аникину В. И., впоследствии ставшему моим учителем. Тогда мы были с ним малознакомы. Я сказала ему, что я первая и хочу работать, хотя еще и не осознавала, что такое промышленная архитектура. Мы тогда не имели специализации, я шла как специалист по объемной архитектуре. Виктор Иванович меня взял, так как оценил амбиции молодой девушки. Я теперь знаю, если человек чего-то хочет, то даже при средних способностях он может многого добиться. И поэтому профессор Аникин В. И. был в этом плане мудр и прозорлив, и он во мне не ошибся, как мне кажется.

К.: Сегодня Вы заведующая кафедрой. Опытный преподаватель. А как Вы начинали свою преподавательскую деятельность, ведь Вам было всего 22 года?

Е. Б.: Когда я пришла работать на кафедру, то не только плохо представляла, что такое промышленная архитектура, но и что такое преподавательский труд. Оказывается, что люди в большинстве своем любят учиться, всему что знают и даже не знают; было бы интересно порассуждать, почему это так. Но далеко не все умеют учиться.

Начинать было нелегко. Помню свой первый выпуск. Многие из ребят были моими одногодками, некоторые и старше, после армии. Один мне прямо сказал: «Ну чему ты можешь меня научить? Ты же в прошлом году закончила институт». Поэтому, понимая, что у меня еще очень мало опыта, я стала обращаться к тем, у кого он был, то есть к великим. А это, между прочим, беспроигрышный вариант. Я пыталась утвердиться не за счет своего авторитета, которого тогда еще не было, а при помощи авторитета великих архитекторов, великих философов и искусствоведов, что потребовало больших трудов. Это был нужный процесс, я раскрывала мир архитектуры, познавала, постигала. И появился свой мир. Сегодня я гораздо реже прибегаю к чужим высказываниям.

Если говорить об учебном процессе, то я «неправильный» педагог: не очень-то лояльна к промахам студентов, недостаточно их хвалю, бываю

жесткой. Это плохо, я понимаю и стараюсь исправляться, но бывает трудно, потому что то, что мы делаем и как делаем, — это отражение нас самих. Педант и зануда также и пишет, также и лекции читает, открытый человек открыт не только в действиях и поступках, но и в мыслях. Поэтому, критически оценивая свою педагогическую деятельность, я все же вижу, что кое-что значу для своих студентов. На нашей кафедре всегда есть дипломники, есть желающие делать магистерские работы, участвовать в конкурсах. И на международных конкурсах у нашей кафедры всегда много наград, что свидетельствует о высоком уровне подготовки. Еще не было такого случая, чтобы работы кафедры вернулись с какого-нибудь конкурса не просто без наград, а без высших наград.

При нашей системе высшего архитектурного образования студенты свободно выбирают выпускающую кафедру, а выбрать сложную промышленную тематику очень нелегко. Значит, то что делают преподаватели кафедры и я вместе с ними, не бездарно, вызывает интерес к предмету, привлекает студентов, а поскольку свой выбор они делают осознанно, то я могу сказать, что в массе своей наши студенты относятся к лучшему на факультете. И вот для этих, я не боюсь этого слова, лучших студентов промышленная архитектура не будет уже чем-то неизвестным и нелюбимым. Это радует и вселяет желание работать.

В этом году исполняется 30 лет моей работы в БНТУ (БГПА, БПИ). И эта работа сочетает педагогическую и научную деятельность. Сегодня университеты в нашей республике становятся основными научными центрами, как это уже существует во всем мире. Оглядываясь назад, могу сказать, что соотношение наука—преподавание менялось в разные периоды.

Сначала учебному процессу я уделяла очень много сил и времени. Потом серьезно ушла в науку. В 28 лет поступила в аспирантуру Московского архитектурного института. Это было не просто. Поступила туда с первого раза, хотя были очень сложные экзамены. В советские времена архитектурная школа Московского института была лучшей. Все крупные теоретики и практики архитектуры преподавали там. Находиться в группе 25 лучших аспирантов из всего СССР — это многое дало. Вернувшись в Минск, много сил опять отдавала преподаванию. Мне это нравилось. Но потом, где-то в 40–42 года, подумала: а что я делала 10 лет, куда они ушли с точки зрения науки. Оказывается, я 10 лет бездельничала. Что-то читала, что-то писала, но серьезно наукой не занималась. Тут открылась возможность получения научных грантов, я выиграла несколько. В результате стала больше заниматься наукой и, естественно, меньше внимания уделять учебному процессу. Мне просто стало некогда, начала писать докторскую диссертацию. Уделяя меньше времени студентам, можно было ожидать, что они будут платить мне тем же. Но, оказалось, что чем больше занимаешься наукой, тем интереснее становишься для них. Высшая школа — это особый мир в образовании, здесь, несмотря на массовую подготовку, должно цениться уникальное. И это имеет место, студенты очень хорошо ориентируются, кто из преподавателей и что может им дать. Поэтому наука здесь незаменима и активно занимающиеся ею преподаватели всегда выделялись и были востребованы. Хотя, конечно, совмещать научную деятельность с любой другой очень сложно, как писал поэт, хотя и не о науке, «служенье муз не терпит суеты...».

К.: Вы видели иностранных студентов. Какие они? И чем наш студент отличается от иностранного?

Е. Б.: Студентов я знаю уже 30 лет. Видела студентов за рубежом на конференциях, читала им лекции. Первая моя длительная стажировка была в американском университете. Я ходила к ним на занятия каждый день, общалась, слушала, как они отвечают. Давно замечено, что число способных ребят в профессии всегда постоянно. И у нас, и за рубежом. Например, в прошлом году мы набирали 100 человек на курс, сегодня набираем 150, завтра — 200. А вот эта константа все время одинаковая. Отчего она зависит?

Наверное, это решается свыше, что талантливых будет вот столько и не больше. Это первое наблюдение.

Второе: наши студенты не уступают зарубежным в подготовке по общеобразовательным дисциплинам, в профессиональном плане, в определенном кругозоре и мировоззрении. Наши студенты подготовлены даже лучше и шире, ведь многое дает школа. Прагматичный западный мир «обрезает» ненужное, как им кажется. Но наши студенты проигрывают вот в чем: они в массе своей безответственные люди. И это не только их вина, но и родителей, и нашего славянского менталитета, который доводит детей до пенсии, курирует их и патронирует. Нашим ребятам нужно быть более ответственными, учиться принимать решения. Они привыкли, что им все простят. Простой пример. Говорю студентам, что начинаем занятия ровно в 8.30. Я прихожу в 8.30, они приходят в 9.00. Не все, но часть. И хорошие ребята. И сколько ты не будешь говорить, что завтра закрою перед ними дверь, они точно также завтра придут и будут проситься. И это хорошие ребята, и я знаю, что они попросятся на диплом, и мы их возьмем.

Это чувство безответственности меня иногда удручает. Взрослые люди, но почему-то думают, что кто-то им что-то простит. Этой ситуации нет за границей. Там точно знают, что отвечать придется только им. Не маме, не папе. В Колумбийском или Йельском университетах никогда маме не напишут, что ее сын или дочь пропустили столько-то часов занятий. Это даже немислимо.

Я стараюсь этой безответственности не прощать, но не прощать нельзя. Потому что если студентам прощают везде, странно, что не прощает Морозова. Поэтому приходится прощать. Если это качество искоренить, то наши студенты будут впереди планеты всей.

Молодежь всегда одинаковая и всегда хорошая. Некоторые ворчат, что раньше студент был другим, и мы были другими. Может быть, мое поколение было более обязательным. А отчего была такая обязательность? От того, что мы были зашоренными. А сейчас молодежь более раскрепощенная, и я считаю, что это хорошо, правда, иной раз перебирают.

За ребятами — будущее. Только взрослеть им надо быстрее. Иначе просто мы начнем проигрывать.

К.: Руководить: легко или тяжело?

Е. Б.: Руководитель, на мой взгляд, должен обладать тремя качествами. Первое — он должен уметь принимать решения и брать ответственность на себя. Второе — он должен уметь считаться с людьми, видеть и принимать их со всеми их достоинствами и недостатками. И третье — он должен уметь признавать свои ошибки. Вот если эти качества есть, то руководить легко. Что же касается меня, то поскольку эти качества во мне еще недостаточно развиты, особенно второе и третье, то руководить бывает непросто. Но в таких ситуациях я утешаю себя тем, что раз я это понимаю, значит исправить положение можно. Хуже, когда руководитель не понимает, что эти качества не просто необходимы для него, а обязательны.

К.: Елена Борисовна, Вы являетесь автором нескольких книг и многих статей. Как Вы начали писать?

Е. Б.: Писать было необходимо, это составляющая любой научной работы. На сегодняшний день написаны две книги, и еще в нескольких выполнены разделы, более 70 статей. Есть и научно-методические работы. С годами отношение к этому виду деятельности изменилось. Сегодня я уважаю этот труд более, чем было раньше. Люди уходят, а написанное остается. Когда открываю книгу, помню того, кто ее писал, а его, например, уже нет. Какое особое отношение к написанному, даже если и не согласна с содержанием. Вот оставил человек свои мысли, помог нам ориентироваться в этом мире науки, профессии. Те амбиции, которые были у меня в молодые годы в

ношении публикаций, уже ушли, сегодня хочется писать, чтобы потом тоже кто-то взял в руки написанное, и оно было бы полезным.

К.: Как оцениваете современную архитектуру, как промышленную, так и городскую?

Е. Б.: Архитектура — это отражение социально-экономических и политических условий, менталитета людей ее создающих, их представлений, оценок, в том числе самооценки. Поэтому современная архитектура такая, какие мы. Она хорошая и плохая, умная и глупая, она есть и надо ее воспринимать положительно, видеть в ней позитивное и то, что надо исправлять, но исправлять вместе с собой.

У промышленной архитектуры сейчас нелегкие времена. Она находится в переломном периоде. Я занимаюсь эволюцией промышленной архитектуры в мире в целом. И оказалось, что это такая область деятельности, которая развивается в определенной степени по внутренним законам. Явления и процессы помимо внешних условий имеют внутренний стержень — саморазвитие. Я рассмотрела весь процесс эволюции и попробовала выявить закономерности, которые двигают саморазвитие. И оказалось, что картина мира, которую я сложила, рисует много интересного: промышленная архитектура развивалась этапами, у нее есть переломные моменты — фазы качественных преобразований. И сейчас мы находимся на таком переломе. И уже можно предположить, в какую сторону она должна двинуться. Задача состоит в том, чтобы вскрыть закономерности развития и показать тенденции на ближайшую перспективу. Потому что сегодня наука, по сути дела, управляет нашей жизнью. И это не только в архитектуре — везде. Я пытаюсь обнаружить тенденции развития, и то, чего нам следует ожидать.

Что касается нашей республики, то научные обоснования я стараюсь переложить на конкретные практические рекомендации. Считаю, что если мы будем знать ориентиры раньше, чем другие, мы сможем сосредоточить усилия и таким образом удержать лидирующие позиции в той области, в которой мы сильны. А в промышленной архитектуре в 1950–1970-е гг. мы были лидерами. И если мы будем знать направление будущего развития, то мы не только не потеряем свой потенциал, а разовьем его. Я смотрю на эти вещи с оптимизмом и надеюсь, что так и будет.

К.: Как Вы оцениваете роль ТНПА в архитектуре?

Е. Б.: Человек устанавливает правила во всех сферах своей деятельности, в том числе в строительстве и архитектуре, поэтому роль их, безусловно, важна. Вопрос следует ставить в другой плоскости — какова степень формализации норм и правил, насколько они должны быть гибкими и какова степень ограничений, которые они устанавливают? Считаю, что наши нормативы в строительстве и архитектуре, являющиеся, по сути дела, наследниками советских нормативных материалов, должны быть осмыслены по-новому. Конечно, нормировать необходимо все позиции строительства, которые напрямую влияют на жизнь и здоровье людей — эвакуация, пожаро-взрывобезопасность и прочее. Но в остальном нормы должны давать веер возможностей, а не только одну.

В этой связи считаю, что в нормировании очень важным является терминология, которая должна совершенно однозначно устанавливаться, чтобы мы имели возможность в век информации и глобализации быть едиными с целым миром, не выдумывать своих особых терминов, а всегда иметь возможность корреспондировать их с аналогичными зарубежными.

Далее, нормирование должно определять перспективу, учитывать научные разработки — это обязательно. Иначе в нормативы попадает вчерашний день, человек так устроен, такова его психология и особенности мышления, что его «сегодня» является выверенным и проверенным «вчера». Поэтому нормативные документы надо в обязательном порядке давать на

рассмотрение, апробацию и рецензию в научные инстанции, специалистам, работающим в науке. Надо сказать, что наша организация РУП «Стройтехнорм» в этом плане работает неплохо, и поэтому есть надежда, что со временем наши нормы обновятся полностью. Работа в этом направлении идет.

Лично я участвую в этом по мере возможностей. Последние предложения касались изменения нескольких пунктов и внесения коррективов в разрабатываемые в настоящее время СНиП «Генеральные планы промышленных предприятий».

К.: За что Вы были награждены?

Е. Б.: Награждалась Почетными грамотами БПИ, БНТУ, Почетной грамотой Минского района, Дипломами Международных фестивалей архитектуры за издание учебного пособия «Архитектурное проектирование промышленных объектов» (в авторском коллективе), за разработку проекта застройки одного из реконструируемых районов Минска (в авторском коллективе), Дипломом за лучшее издание книги «Эволюция промышленной архитектуры» на конкурсе монографий БНТУ. Вошла также в авторский коллектив, который за научную разработку был удостоен Премии Министерства архитектуры и строительства Беларуси им. В. А. Короля.

К.: Кого Вы считаете своими наставниками?

Е. Б.: Учителями моими были многие профессора нашего БНТУ, поскольку я у них училась и с ними же потом работала и работаю. У них же и продолжаю учиться разному и по разным поводам, и не только профессии. Это ныне здравствующие профессора В. Н. Аладов, Е. С. Агранович-Понамарева, И. А. Иодо, К. К. Хачатрянц, Т. М. Пецольд и другие. С благодарностью вспоминаю близких мне, уже ушедших профессоров В. И. Аникина и А. В. Сычеву.

Считаю себя ученицей и нашего известного практика в области промышленного строительства, заслуженного архитектора БССР И. И. Бовта, а также благодарна московскому профессору С. В. Демидову и моему первому научному руководителю В. А. Красильникову.

К.: Ваши ученики. Гордитесь ли вы ими?

Е. Б.: Учеников за почти тридцатилетнюю работу в архитектурном образовании было много, возможно все они меня своим учителем и не считают. Это нормальное явление. Но есть близкие мне ребята, контакты с которыми сохраняются. Радуюсь всем их успехам, и не только в профессии, но и успехам в обычной жизни — их детям, квартирам, домам, машинам, поездкам, впечатлениям — всему, что с ними хорошего происходит.

К.: Теория и практика — две сестры, два дополняющих друга элемента науки. Как Вы координируетесь с ними?

Е. Б.: Любая наука без практики ничего не стоит. Конечно, то, чем я занимаюсь, относится к теории архитектуры. Я писала историко-теоретические работы. Участвовала в проектных работах как научный консультант, чтобы сделать научное обоснование проекта. Многое зависит от желания практиков использовать науку. Участвовала в подготовке нормативной документации. Проектирование промышленных объектов — это дело целой бригады специалистов, к тому же процесс проектирования не был моим основным занятием. Но все же в авторских коллективах моя фамилия есть в шести—семи объектах. Первыми объектами, где участвовала со своими научными предложениями, были несколько заводов промышленного узла в Сморгони.

К.: Любите ли путешествовать?

Высшая архитектурная школа в Оксфорде. Англия '1993 г.

Е. Б.: Не задумывалась о том, люблю ли путешествовать. Поездила много и продолжаю это делать, была и неоднократно во многих городах Европы и даже США, но это все не путешествия, а разные научные поездки: конференции, конкурсы, семинары, научные стажировки. Видеть новые места, встречать новых людей и общаться с ними; узнавать новое всегда интересно, но можно ли это назвать путешествиями, не знаю.

К.: В какой еще стране Вам хотелось бы побывать и почему?

Е. Б.: Хотела бы побывать в любой стране, где есть промышленные постройки — всякие старые и необычные новые. И вообще, мне нравится бывать в промышленных районах чужих городов, не взирая на качество застройки этих районов, меня туда как-то тянет, и я чувствую там себя более свободно, чем где-либо в другом месте незнакомого города. Мне там все понятно.

К.: Вы, судя по ответам, человек с нестандартным мышлением. Поэтому хотелось бы спросить о впечатлениях от встречи с людьми Вашего круга — иностранцами. Какие они в сравнении с нашими белорусами в профессиональном плане, по своему менталитету, в культурно-нравственном отношении?

Е. Б.: С годами, в результате некоторого жизненного опыта, приобретенного в поездках и встречах, в оценке людей я пришла к двум на первый взгляд противоположным, а на самом деле формирующим некое единство позициям.

Первое — люди все разные, я имею в виду представителей разных стран. Американцы, русские, французы и прочие ведут себя, думают, поступают по-разному. И чем ближе контактируешь, тем отчетливее понимаешь, что ты не такой как они, а они не такие как ты. Культурные матрицы, универсалии, в которых живут разные народы — это сильная вещь и она отчетливо проявляется в жизни. Вот, например, будучи в Вашингтоне довольно долго, я по субботам—воскресеньям ходила в один музей, где показывали культурные фильмы для думающей интеллигенции. Помню, месяц шла ретроспектива одного японского режиссера. Ходили мы с польским профессором, находившимся в такой же научной поездке, как и я. Я обратила внимание, и это нетрудно было сделать, что реакция зала и наша реакция на те или иные события на экране разная. Смеемся и печалимся мы в разных местах (фильм был о временах второй мировой войны в Японии). Что же из этого следует? А следует то, что мы разные, и это не хорошо и не плохо. Это есть, и так устроен мир. И с этим нужно считаться, понимать нашу разность и уважать ее.

Второе заключение — люди все одинаковые, ими движут одинаковые мотивы, они могут быть честными, лживыми, порядочными и не очень, все

США '1998 г.

США '2002 г.

и всюду, в любой стране.

Что же касается профессиональных вопросов, то наука, особенно гуманитарная, отражает в своей форме менталитет людей, ее разрабатывающих. Например, у американцев много научной литературы, стиль изложения материала в которой очень разный — от строгого, педантичного до дружеского, доверительного и даже некоторым образом легковесно-фривольного. Европейские научные тексты, и особенно наши, в большинстве своем несут на себе печать определенного единообразия, принятой научной формы. Где здесь истина? Думаю, что в обоюдном обмене и взаимодействии выиграют обе стороны.

К.: Какие производственные объекты в Минске и других городах Вы могли бы назвать в качестве если не шедевров промышленной архитектуры, то, по крайней мере, достойными внимания?

Е. Б.: Особенностью промышленной архитектуры является ее динамизм, постоянное движение, которое проявляется и в постоянно идущем материальном изменении построек. Изменчивость внешнего облика не дает возможности привязаться к какому-нибудь объекту. Мне нравятся они все. Люблю предзаводские площади, сегодня они опустели, нет разных лозунгов, досок почета, вымпелов. Но даже в сегодняшнем виде предзаводские площади имеют ценность большую, чем просто архитектурную, может быть, эстетическую, они несут дух места и дух времени. Вот попробуйте в весенний длинный вечер, именно вечер, прогуляться по улице Октябрьской, где расположен завод «Кристалл», машиностроительный завод им. Октябрьской революции. Вечером такие промышленные места довольно пустынные. Прозвонит пустой трамвайчик, остановится перед проходной завода, может быть, кто-то зайдет или выйдет из него. Удивительное настроение возникает, каждый фрагмент застройки будит какие-то мысли, ассоциации.

Или вспоминается, как в Кракове я была на табачной фабрике, возраст которой более 150 лет. Три корпуса, соединенные друг с другом, каждый иллюстрирует свое время, начиная с 1860-х гг. Помню поразило, что в одном четырехэтажном корпусе были паркетные полы. А такие полы, оказываясь, были очень технологичны для процесса, имеющего дело с табаком.

К.: Какую специальную литературу Вы читаете?

Е. Б.: Читаю постоянно все, что могу отыскать по промышленной архитектуре, истории науки и техники, истории промышленных династий, читаю выборочно работы по современной философии, культурологии, искусствоведению, теории архитектуры, читаю случайно все остальное, что так или иначе касается профессии.

К.: Чьим мнением Вы больше всего дорожите в работе?

Е. Б.: Считаюсь с мнением любого умного человека, во всяком случае, стараюсь считаться. И чем он с моей точки зрения умнее, тем больше дорожу его мнением.

К.: Вы хотели бы быть большим начальником, например, Министром? Будь Вы главой государства, что сделали бы в первую очередь?

Е. Б.: Быть Министром не хотела бы. Мне нравится то, чем я занимаюсь. Я это, хочу надеяться, умею делать и по-своему приношу пользу и потому даже никогда и не задумывалась что-либо менять, хотя однажды приглашение на работу в Министерство архитектуры и строительства ко мне поступало.

По поводу моих действий на посту главы государства, если бы такой случай представился, хочу откровенно сказать, что тоже никогда это кресло или портфель, или, лучше сказать, ответственность главы государства на себя не примеряла. Правда и предложений ко мне на этот счет не поступало. Думаю, что это не так-то просто, я этому не училась и вряд ли смогла бы справиться. В этом отношении я не согласна с известной фразой В. Ленина, что всякий может управлять государством. Думаю, что не всякий, и уж совсем непродуктивно рассуждать об этом просто так, вот если бы я...

К.: Самый счастливый день в Вашей жизни?

Е. Б.: Счастливых дней в моей жизни было много, я вообще счастливый человек. В этом как-то не принято признаваться, а зря — зачем гневить Господа Бога, а то так он и оставит тебя своим покровительством.

К.: Как научный сотрудник со столь широким кругозором относится к понятию нематериальной сферы бытия, различным городскопам и предсказаниям?

Е. Б.: Не увлекаюсь, не люблю это занятие и, честно говоря, не верю в такого рода предсказания. Однако рационально осмысливая явления действительности, допускаю возможность присутствия иррационального, объясняя это для себя недостаточной изученностью мира на сегодняшний день. А поскольку изучить до конца мир никогда не будет возможным, постольку всегда будет существовать область непонятого, необъяснимого, иррационального. Вот, например, я абсолютно точно теперь знаю, что комнатные цветы растут по-разному у различных людей, несмотря на совершенно

Памятники промышленной архитектуры Англии и Германии

одинаковые семена, почву, освещение, приемы агротехники. Лично я отношусь именно к таким невезучим натуралистам-ботаникам. Какое-то есть биополе у человека, которое может способствовать росту растений или наоборот. Тем не менее думаю, что материальная основа этого явления со временем станет известной и понятной, но будут существовать необъясненными еще многие другие такие же загадочные явления.

Люди, работающие в науке, и вообще думающие люди совсем необязательно выглядят как этакий Фома неверующий. Поэтому нематериальная сфера бытия для них существует, правда, принять на веру что-либо им более сложно.

Мой рационализм заставляет меня многое подвергать сомнению и поиску объяснения, это часто приносит свои плоды. Но в то же время я понимаю, что мир сложнее, и выстроить все логически далеко не всегда удастся, а главное — это не всегда нужно. В жизни должен быть элемент случайности, неожиданности, необъяснимости. Это нужно принимать, это делает жизнь многогранной и богаче.

К.: Есть ли в жизни вечная любовь? Как относитесь к мужчинам?

Е. Б.: К мужчинам отношусь с уважением, как к равным себе. Они не

хуже и не лучше, не выше и не ниже женщин, просто они другие, со своими сильными и слабыми сторонами. О вечной любви не знаю, но любовь в жизни есть. Со своим мужем, Валерием Францевичем, мы живем уже более 30 лет. Чувства, конечно, со временем трансформируются, но то главное, что связывает людей на всю жизнь, думаю, сохраняется. В этом, безусловно, заслуга моего мужа, у меня характер не очень способствует мирному сосуществованию. Но если мой муж живет со мной так долго и выглядит при этом счастливым человеком, то думаю, что и я не так уж безнадежна.

Мое близкое окружение немногочисленно — это муж, он тоже архитектор, доктор наук, заведует кафедрой в БНТУ, и сын Евгений, также в настоящее время работающий в науке, в прошлом году он защитил кандидатскую диссертацию по искусствоведению. Сама я выросла в большой семье с братьями и их семьями очень дружна. Поэтому хочу, чтобы у сына, который пока не женат, была большая семья и не один ребенок, а хотя бы двое, почему-то очень хотелось бы девочку-внучку.

К.: А как Вы считаете, может ли быть настоящая длительная дружба между мужчиной и женщиной, не перерастающая в нечто большее?

Е. Б.: Думаю, что такая дружба возможна, но является достаточно редкой. Все же биологическое начало в нас заявляет о себе достаточно сильно. Может быть, поэтому в моей жизни такой дружбы не было, хотя есть теплые, дружеские отношения, именно дружеские, с представителями сильного пола.

К.: Кто Ваш самый близкий друг?

Е. Б.: Друзей близких немного, человек пять-шесть. Мы все связаны, кроме прочего, профессией. Это очень дорогие для меня люди, говорить с ними могу обо всем, знаю, что они меня воспринимают такой, какая я есть.

К.: Чем занимаетесь в свободное время?

Е. Б.: Свободное время — это когда устаешь от основной работы, чтения и сидения за компьютером — провожу по-разному в весенне-летние и осенне-зимний периоды. В первый — стараюсь быть на природе, прогуляю или копаюсь на даче, которая обустроена своими руками, хотя еще да

лека до совершенства. Но люблю ее, друзей дачных и долгие летние вечера с ними. Выращиваю на даче цветы, и хотя я неумелый садовод, но, как все дилетанты, очень это занятие люблю.

Во второй период — вяжу перед телевизором носки всем своим домочадцам. В обоих периодах люблю болтать с друзьями, а уж если удастся нам собраться вместе, то свободное время проходит очень плодотворно и содержательно.

К.: Важен ли для Вас удобный быт?

Е. Б.: Удобный быт важен, я в этом отношении достаточно педантична, люблю, чтобы все мое лежало на месте и чтобы среда вокруг меня была красива. Правда, у меня такой функциональный подход к эстетике, что некоторым это может показаться не столь уж и прекрасным и, может быть, не очень теплым, уютным. Всегда большую значимость для меня имело личное пространство. Поэтому очень опасалась, как буду жить в общежитии во время моей учебы в аспирантуре, или потом уже при разных обстоятельствах, в длительных командировках. Но оказалось, что при осмысленном отношении и это не проблема.

К.: О чем Вы больше всего мечтали в детстве?

Е. Б.: В детстве мечталось о многом: о подарках, поездках, будущей профессии, семье и прочем. Кстати, о профессии — довольно долго не покидало желание продавать мороженое. Даже уже будучи студенткой все мечталось — вот стою я в летние каникулы на проспекте, вся в кокетливом белом наряде, передо мной такая тележка, на голове шляпка и я весело продаю мороженое, а все проходящие мимо молодые люди с удовольствием его покупают и прекрасно понимают, что это просто летнее увлечение юной и симпатичной студентки.

К.: Вы храните свои студенческие эскизы? Любите вспоминать студенческие годы? Общаетесь ли с бывшими однокурсниками?

Е. Б.: Студенческие фотографии храню, эскизы — нет, хотя помню и могу воспроизвести все свои студенческие проекты. С однокашниками встречаемся редко, кое с кем перезваниваемся. Но если мне представляется возможность сегодня им в чем-то помочь, делаю это с удовольствием и для

всех с кем училась, хотя со многими из них в то далекое студенческое время не была близка — просто здоровались, не дружили.

К.: Всегда ли Вы говорите, что думаете?

Е. Б.: Говорю, что думаю, к сожалению, практически всегда.

К.: В каких человеческих слабостях не можете себе отказать?

Е. Б.: Человеческих слабостей у меня много, но никогда не могу отказать себе только в одной — съесть что-либо сладкое.

К.: Вы сова или жаворонок?

Е. Б.: Скорее сова, но когда работы много то и сова, и жаворонок одновременно: встаю рано из-за одолеваящих мыслей, ложусь поздно по той же причине.

К.: С чего Вы начинаете утро?

Е. Б.: Утро начинается обычно, как у всех, с завтрака, ничего особенного не происходит. Вот когда была собака, выходила с ней гулять. Зита была карликовым пуделем — существом, любимым всеми. Она была очень изящной и красивой, мне удавалось сдерживать ее склонность к полноте (чего не могу сказать о себе), я сама ее стригла и поскольку моя архитектурная профессия не чужда пониманию красоты формы, должна сказать, что, как это говорят у собаководов, экстерьер у нее был великолепный.

Животных жалею и сочувствую им всем, но люблю только собак, они очень преданны человеку. Моя Зита за время нашей совместной жизни даже в чертах характера стала походить на меня, причем не в лучших моих чертах, но от этого с ней было только теплее.

К.: Какой вопрос хотели бы задать себе самой?

Е. Б.: Вопрос я бы хотела задать себе такой: ну доколе я буду так много времени проводить за компьютером, когда вокруг столько всего интересного? Пока на него ответа нет. Не хватает мне сегодня свободного времени, но, возможно, я просто не очень организована и кое в чем ленива.

К.: Как относитесь к спорту?

Е. Б.: К спорту отношусь спокойно, занимаюсь им мало, сегодня только плаваю в бассейне. Года два–три назад мы с мужем почти каждый весенний и летний вечер (они длинные, долго не темнеет) практиковали длительные поездки на велосипеде для отдыха и развлечений, катались на роликовых коньках. Именно на велосипеде я объехала все промышленные зоны в Минске.

К.: Какое Ваше самое любимое место в городе Минске?

Е. Б.: В Минске люблю район, в котором выросла. И вообще люблю Минск, хотя и не считаю его самым красивым городом.

К.: От кого или от чего устаете больше всего?

Е. Б.: Последнее время стала уставать от непрофессионализма и откровенной глупости в разных жизненных проявлениях, раньше как-то терпимей к этому относилась. Неверное, с моей стороны это нехорошо. Мир, как и всегда, не совершенен, и надо принимать его таким, какой он есть.

Вот, например, устаю от пожилых соседей, которые каждый год ждут неурожая и больших цен на хлеб и постоянно обсуждают со мной в этом ключе любое изменение погоды. Ну почему, прожив такую длинную жизнь, они так и не перестали считать это проблемой?

Устаю от безответственности некоторых наших студентов, свято верящих, что им бесконечно будут прощать опоздания, нерадивость, нежелание напрячь мозги, и, что главное, все это никак не должно отражаться на их оценках, в дальнейшем — достойной зарплате, хороших условиях жизни, все это они ждут и уверены, что им это положено.

К.: Как часто и по какому поводу бываете недовольны собой?

Е. Б.: Недовольна собой бываю часто, в основном потому, что говорю то, о чем думаю, а можно было бы промолчать.

К.: Бывает ли у Вас плохое настроение? Какой у Вас есть рецепт?

Е. Б.: Настроение плохое бывает, но стараюсь в таких ситуациях использовать мудрые мысли великих о том, что жизнь не бывает так тяжела, чтобы мы не могли облегчить ее своим отношением к ней.

К.: Вы любите промышленную архитектуру. А для большинства это понятие ассоциируется с чем-то не особенно эстетичным, вроде цеха производства железобетона с камерами по пропарке изделий. Найдите такие слова, чтобы наши читатели поняли красоту, которая скрыта в понятии промышленная архитектура.

Е. Б.: Промышленную архитектуру достаточно трудно любить с точки зрения обыденного сознания. И люди, действительно, в большинстве своем ее не принимают. Но в этом случае надо осознавать, что промышленная архитектура отражает технический прогресс, она — его лицо, и, соответственно, иллюстрация всего хорошего и плохого в нем. Это о заводах написал в 1930-х гг. художник Ривера, что они чудо света, которое можно сравнить с египетскими пирамидами и римскими акведуками. И это о них же в свое время писал немецкий архитектор Шинкель, что они гигантские, колоссальных размеров, но без всякой архитектуры.

Люди очень часто забывают о хорошем и видят плохое.

Вот в Сморгони, на берегу реки Вилии в 1980-х гг. начали строить промышленный узел из 13 заводов. Планировалось вынести туда литейное

производство тракторного завода, дать рабочие места и импульс к оживлению социально-демографической ситуации в городе. Промышленный узел очень прилично запроектировали (специалисты «Белпромпроекта»), заводы по планировочной организации были интересными, современными, на площадках предусматривался внутренний транспорт, вдоль реки планировалось создать красивую зеленую зону. Начали возводить корпуса, убрали для этого 50 га молодого соснового леса (первая очередь), ровно так выкопали, как по линейке. К сожалению, планы полностью не выполнили, началась перестройка. В общем, жизнь откорректировала проект. Ну и, конечно, общественность возмущена, вот, мол, уродливым недостроем испортили живописные места. Но если вдуматься, причем здесь промышленная архитектура. Это люди в своем неустанном стремлении производить больше и жить сытнее сделали ее орудием своих интересов, сделали агрессивной, дымящей и коптящей. И в их же силах сделать промышленную архитектуру другой.

К.: Елена Борисовна, спасибо Вам за встречу!

Е. Б.: Всего доброго!

